

Шальная пуля

В конце марта в Гуляй-Поле был схвачен начальник связи Повстанческой армии. Взяли его, видимо, военные, но попал он сразу в руки Чека, что у военных рангом повыше вызвало нешуточную тревогу. Из штаба 4-й армии в штаб 3-го конного корпуса ушла телеграмма: «Говорил с помнаштакор Крутиковым, который сообщает, что начсвязи находится в ведении гуляйпольской чека, если он не расстрелян, его просят... результат сообщить мне». Некто Левченко отвечал на эту телеграмму: «Хорошо, передам Высоцкому. Но тилько нельзя вьяснит на верное, жыв лы иче начсвязи?» (78, оп. 3, д. 439, л. 28). Приказано было, если не поздно, забрать махновца у Чека и доставить в штаб корпуса для допроса. Из Харькова спецтелеграммой от 26 марта было велено у пленного при допросе выяснить: 1) действительно ли распущена армия; 2) где находятся уцелевшие ее отряды; 3) где находится Махно и склады оружия; 4) куда Махно в принципе может скрыться?

Пока шла эта переписка, начсвязи Повстанческой армии, содержащийся под стражей в гуляйпольской Чека, – сбежал. Обстоятельства этого невероятного побега выясняли, да так и не выяснили, потому что, найдись в этом деле виноватый, ему бы не сносить головы.

Жизнь, однако, довольно скоро предоставила ответы на все интересующие красное командование вопросы.

29 марта от командира гуляйпольского продбатальона поступили сведения о появлении в районе Новоуспеновки банды Щуся, с которым, по слухам, был сам Махно. К сведениям отнеслись недоверчиво, так как командир батальона вообще был подвержен паническим настроениям и уже дважды сообщал неподтвердившиеся факты. На всякий случай информацию все же передали в штаб Фрунзе, снабдив ее комментарием, что, скорее всего, комбат принял за отряд Щуся одну из «незначительных банд местного происхождения».

1 апреля поступили сведения из штаба Кавказского фронта, что банда махновцев под командованием Белаша заняла местечко Хомутов неподалеку от Ростова-на-Дону и оттуда двинулась в направлении на Новочеркасск.

Сколь бы фантастичными ни казались эти сведения, характерна мгновенная реакция Фрунзе, который, не медля ни секунды, потребовал от командарма 4-й армии точно выяснить местонахождение обеих банд, уничтожить их, Махно поймать.

Тут же выяснилось, что ловить бандитов некому – все кавалерийские части после изнурительных боев с махновцами переброшены на «поправку фуражом» в район Лозовой, и командование армии располагает лишь двумя кавполками каширинского корпуса, бригадой Туркестанской кавдивизии и частью 7-й. Фрунзе был, по-видимому, в отчаянии от такого головопатыства, но он пытается не выпустить ситуацию из рук и хотя бы точно оценить обстановку. Телеграф отбивает его вопросы: сколько узбеков и туркмен в Турккавдивизии? Какова боеспособность полков конкорпуса?

Ответ из штаба 4-й армии: «Узбеков и туркмен (басмачей) во второй Турккавдивизии состоит 250 человек». Немного. Значит, дивизия боеспособна. Части третьего конного корпуса Каширина производили хорошее впечатление: «38 кавполк численностью 305 при 6 пулеметах и двух орудиях... Отряд 37 кавполка – один дивизион 102 сабли при 5 пулеметах. Обе части имели опыт борьбы с бандитами – бандами Кожа и Золотого Зуба» (78, оп. 3, д. 439, л. 48).

Однако на этот раз тревога оказалась преждевременной: проявившиеся было махновцы больше нигде не обнаруживали себя. Казалось, Украина усмирена. В разных местах еще кровоточило, продотряды боялись оставаться в деревнях из-за мелких банд, которые могли собраться на одну ночь, вырезать всех до единого, а утром – рассыпаться без следа... Из Мелитопольского уезда жаловались, что весь район наполнен бандитами, бродит банда человек в сорок крестьян, в деревне Басани ими убито 11 красноармейцев. Выступившие туда части взяли 24 человека заложников, но работать все равно нельзя: приходится один день посвящать хлебозаготовкам, а другой – срочной эвакуации хлеба. Крестьяне озлоблены. К тому же еще беда, что красноармейские гарнизоны «бесчинствуют, режут скот, птицу, без всякой санкции местной власти» (78, оп. 1, д. 3). Иногда доходило просто до негодяйства: какой-то заградотряд под Бердянском расстрелял, за попытки его приструнить, лучшего советского работника Новотроицкой волости, делегата губернского съезда советов. Протесты местных властей не дали ничего. Убоявшись распалившихся красноармейцев, весь волостной исполком бежал в Бердянск, «так как нет гарантии, что и другие совработники не будут расстреляны» (там же).

Накладок такого рода было еще предостаточно, но все-таки, казалось, пламя крестьянской войны сбито. Антоновщина еще пылала вовсю, а на Украине, куда как более уставшей от войны, наступала как будто новая эпоха. Поскольку она явилась в виде декрета о замене разверстки продналогом и прочих партийных решений, которые, не рассуждая, надлежало признать правильными, следовало ответить на запросы нового времени конкретными делами. Была объявлена амнистия бандитам, которые сдадутся до 15 апреля. Советские историки не раз писали, что мера эта имела решающее значение для ликвидации махновщины. Но это не так. Весной бандитам было наплевать на амнистию. Поскольку большевистская власть всегда любила отчетность, мы можем судить об этом совершенно определенно. 3 апреля начопервойск Украины прислал в штаб 4-й армии запрос для Постоянного совещания по борьбе с бандитизмом, – сколько было случаев «добровольной сдачи банд и главарей нашим частям, указав где, когда и в каком числе».

Ответ был краток: «...случаев добровольной сдачи банд и главарей в районе 4А не было» (78, оп. 3, д. 439, л. 80). А 4-я армия фактически контролировала все Левобережье!

Лишь к осени, когда стало ясно, что дальше сопротивляться бесполезно, в плен сдались 2443 рядовых махновца и 30 командиров – что, надо признать, составляло ничтожную долю тех, кто принимал участие в движении.

7 апреля из кровавой немоты деревни, лишь по ночам издающей сдержанное урчание ненависти, прорезался голос Махно. С опозданием узнав о кронштадтском восстании, штабная группа махновцев на полевой радиостанции отбила телеграмму: «Приближается

час соединения свободных казаков с кронштадтскими героями в борьбе против ненавистного правительства тиранов...» (12, 206). Махно не знал, что Кронштадт уже не только мертв – но и остыл. Он решил еще раз попробовать поднять деревню на дыбы: он знал, что близится время изъятия продналога – который по объему был чуть только меньше продразверстки; знал, что для изъятия посланы будут продотряды в деревню и большое будет через это недовольство...

21 апреля в 8 часов утра в штаб 259-го стрелкового полка прискакал начальник летучего отряда, высланного накануне в район станции Гайчур. Был он ранен саблей в голову и поведал, что накануне вечером возле деревни Черемисово заметил колонну всадников. На вопрос, кто такие, получен ответ: «Мы буденновцы 31 полка, восстали и идем на присоединение к Маслакову». Летучий отряд вступил с колонной в бой, потерял 15 человек и вынужден был отступить. Командир отряда сообщил также, что в колонне было не менее 500 всадников «при невыясненном количестве пулеметов и большом обозе». Все одеты в красноармейские шлемы, имеют на груди красноармейские значки. Командир полка просил выяснить в штабе Первой конной, «действительно ли часть 31 полка повстала и пошла на соединение к Маслакову или это очередная уловка бандитов?» (78, оп. 3, д. 439, л. 127).

Но это были не буденновцы. Это был сам Махно.

Через несколько дней начальник штаба 4-й армии докладывал в штаб фронта: «Банда... насчитывала до 400 сабель при 12 тачанках с пулеметами и, якобы, была объединенной бандой Щуся, Савонова, Петренко, Фомы, Маруси и Махно. Выяснить более подробно состав и происхождение банды в данное время не представляется возможным...» (там же, л. 143).

Бронепоезда, как назло, частью стояли в ремонте, частью же, несмотря на категорический запрет Фрунзе, использовались для охраны хлебных эшелонов. Все уже начали забывать о батке. И тут он появился.

Позже и сам Махно, и многие историки писали, что весеннее выступление 1921 года было предпринято с целью взять Харьков и перебить большевистских вождей в самом их логове. Все это, конечно, ерунда. Махно выдумал эту «охоту на вождей» уже в Париже, в порядке, так сказать, моральной компенсации. Историки же, которые пишут об «авантюристическом наступлении на Харьков», просто, очевидно, не составили себе труда взять карту и посмотреть, где в действительности оперировал Махно и что он делал. Для того чтобы перебить большевистских вождей, не нужно было брать Харьков и уж тем более не нужно громить сахарные заводы под Полтавой, чтобы добыть сахар – валюту 1921 года. Для этого достаточно было бы заслать в город группу боевиков и совершить один или несколько террористических актов. Техника этого дела была анархистам великолепно известна.

Нет, не Харьков был целью Махно. Он шел в деревню, причем шел по старым своим следам. Скорее всего, он не рассчитывал на победу. Но не выступить тоже не мог. Это не пустой парадокс: где-то Андрей Тарковский написал, что в жизни все проявления человеческих эмоций имеют свою форму. Он писал это как режиссер, построитель актерской сцены. Но в истории тоже так, эмоции людей отливаются во что-то. Махновщина 1921 года была формой проявления очень разноречивых чувств, которые владели громадными массами людей в

конце длительной, опустошительной, жестокой, братоубийственной войны. Это была форма отчаяния. Опустошенности. Злобы за перенесенные оскорбления и унижения. Желания отомстить – за убитых товарищей, за предательство. За «вне закона». За то, что люди, целиком отдавшие борьбу за народное дело, не только не были приглашены разделить с большевиками радость победы, не только отстранялись от обустройства нового мира, но и прямо назывались разбойниками, подлежащими истреблению, как бешеные псы. За дьявольскую большевистскую гордыню, за то, что голос твой не слушают, потому что не хотят считать за человека, слушать не хотят. Но если так, то, может быть, выстрел из обреза будет подходчивей слов?

Махновщина 1921 года, как антоновщина, как григорьевщина когда-то, – это чистая эмоция, никакой политической программы у нее нет. И цели нет. Даже с экономической точки зрения она нецелесообразна: продналог был обдираловкой, и взымали его, особенно в 1921 году, как и продразверстку, при помощи войск, но все равно, холодно рассуждая, воевать за такое дело, жизнь свою класть – слишком расточительно. И партизанскую армию кормить расточительно. Нерационально. Но махновщина 1921 года совершенно иррациональна. И не потому крестьяне шли в отряды Махно, что были кулаками, и не для того он был им нужен, чтобы защитить добришко, а потому, что эмоции реактивны, потому что за большой войной всегда тянется длинный хвост отчаявшихся, озлобленных, все потерявших и на все готовых людей, которым не осталось уже места в жизни.

Конечно, Махно был обречен. Он все еще блуждал где-то в 1918–1919 годах, а настал уже 1921-й. Революция победила. Победители вовсю пользовались ее плодами. Осваивались на новых должностях, примеривали новые френчи, после боевой походной жизни заводили обстановочку и обзаводились семьями. Придумывали новые дерзкие проекты. Возрождались, по мере надобности, искусства. Вплотную подступало кипучее, сумбурное, шальное время нэпа – время совершенно неожиданных творческих и научных обнаружений, время рынка и эфемерной роскоши бытия... А Махно все бандитствовал...

Я нарочно назвал эту главку «шальная пуля». Шальная пуля – дура, куда летит – не знает, бьет совсем не в того, кому предназначена была, и хоть силы в ней мало, и кувыркается на излете – может убить. Махно весной двадцать первого – как эта шальная пуля. Кругом они, шальные последние пули агонизирующей войны. Шальная пуля настигла Махно и чуть не прикончила, когда он переправлялся через Ингул. Шальная пуля и Фрунзе зацепила – чудом насмерть не ударила...

Весь май Махно петлял в своем районе, умело уклоняясь от боя и собирая свои отряды. Фрунзе тоже готовился к встрече. Против махновцев были сформированы части, состоящие из одних коммунистов и комсомольцев, отряды комнезаможников – которые не знали повстанцев по совместной борьбе с белыми, не помнили ужаса зимних боев минувшего года и видели в махновцах только лютых своих врагов, которых следовало безжалостно уничтожить. Из этих частей были сформированы истребительные отряды. Вновь изготавливались к бою бронепоезда...

Перед началом рейда под Полтаву Махно издал приказ № 1 по Революционно-повстанческой армии Украины, тем самым давая понять, что трехлетняя партизанская война на Украине не

закончена – есть армия, есть штаб, война продолжается. Приказом в частях вводилась железная дисциплина. Самовольные реквизиции у населения запрещались под угрозой расстрела. Запрещался выезд рядовых повстанцев из строя без ведома командира, все бойцы должны были носить при себе оружие, не расставаясь с ним. Расправы над пленными запрещались, их следовало доставлять в штаб.

Он все еще верил в свою Революцию. Он думал, что люди поддержат его и вновь, как в 1918-м, ударят в штыки за землю и волю. Но он ошибся. Люди устали. Люди больше не могли и не хотели воевать.

В самом начале июня Махно появился в пределах Полтавской губернии. Войска Фрунзе ждали его. Каждый шаг его был известен. И хотя махновцы по-прежнему проявляли необыкновенную верткость и боевое мастерство, хотя они тоже были прекрасно осведомлены о расположении красных частей, Махно больше не был хозяином положения. Это стало ясно с первого же дня боев, которые продлились почти месяц, в конце которого его отряд получил удар, от которого так и не смог оправиться...

1 июня махновцы заняли Малую Багачку неподалеку от Миргорода. Разведка 7-й стрелковой дивизии донесла, что в отряде 500 сабель, 300 человек пехоты при 15 пулеметах. Мгновенно миргородский гарнизон был приведен в боевую готовность, в Миргород переброшены два отряда общей численностью в 600 человек и выставлены на позицию два боеспособных орудия.

Одновременно против Махно сформирована ударная группа силою двух полков. Махновцы повели бой с разведкой седьмой дивизии, но разведчики – 120 человек – отошли за линию железной дороги, а махновцев погнало прочь бронепоезд, подошедший из Миргорода. Бой продолжался до трех часов ночи, пока махновцы, почувствовав, что вокруг них стягиваются крупные силы, вдруг не ушли в сторону и, обойдя ошестинившийся Миргород, перешли железную дорогу возле станции Гоголево, где им пытались преградить дорогу бронелетучка «Красный оборонец» и небольшой заградотряд, но неудачно, ибо сами боялись банды.

2 июня махновцы заняли станцию Гоголево, отцепили от состава паровоз и, по старому партизанскому обычаю, пустили его на «Красного оборонца», который портил им кровь, курсируя по железной дороге. Как это ни странно, на этот раз крушения не произошло: паровоз разбился о буферную платформу бронепоезда, нагруженную, вероятно, гравием или песком. Вечером два батальона 488-го полка настигают банду и ведут с ней упрямый, вязкий бой...

Все это продолжалось ежедневно, с какой-то удручающей однообразностью. Ворвались в Зеньков – выбиты – ушли, захватив с собой своих убитых и раненых, преследуются, отбились, перешли железную дорогу, разобрав пути. Нигде махновцам не удастся спать больше чем полночи: теперь истребительные отряды первыми нападают на них. Но и это не приближает красных к победе. Махновцы словно знают, что на них нападут. Готовы к этому. Спокойно разделяются на две-три группы, уходят в разные стороны. В наблюдение за бандой пускают аэроплан – на другой день он терпит аварию. Комиссия впоследствии

обнаружила остатки разбитого и ободранного населением самолета, но до причин аварии так и не докопалась. Пилот Ефимов, оставшийся в живых после крушения, утверждал, что поломка произошла из-за небрежной подготовки аэроплана к полету...

10 июня состоялся суд над тремя махновцами, захваченными в плен в деревне Медвежье. Председателем трибунала был сам Роберт Петрович Эйдеман, заместитель командующего войсками Украины, имевший задание непосредственно возглавить операции по ликвидации махновщины. «Из предварительного опроса пленных никаких сведений от них о банде добиться не удалось», – сообщали из штаба 7-й дивизии (78, оп. 2, д. 185, л. 52). Нераскаявшихся бандитов приговорили к расстрелу и приговор привели в исполнение. Эйдеман был тоже романтик войны, а потому не терпел сантиментов.

Окаянные упорствовали в своем окаянстве, но вызвать движение в народе уже не могли. Махно пришел к крестьянам звать в бой за волю, а те не откликнулись. Они не отнеслись враждебно к нему, но, кажется, не выявили и сочувствия. Только старые, закоренелые в ожесточении партизаны с подходом Махно оживились.

В середине июня на станцию Сахновщина налетела банда некоего Иванюка и учинила разгром. Рота курсантов, охранявшая состав с боеприпасами, была перебита с примерным беспощадством: в окна вагона, где курсанты то ли ели, то ли спали, бандиты сунули несколько пулеметов и с криками «Здравствуйте, товарищи!» открыли огонь, превратив в решето внутренность вагона. Состав подожгли, три вагона снарядов расхитили.

«Банда Иванюка... местного значения, – оправдывалась разведка 7-й дивизии перед начальством за недогляд, – периодически собирается, производит налеты и снова рассеивается по хуторам. С приближением или при переходе наших частей всякая деятельность банды замирает. Ликвидация ее происходит за счет усиленной агентурной разведки, каковая работает крайне слабо за отсутствием хорошей агентурной связи» (78, оп. 2, д. 185, л. 71–75).

Из всех этих жалких самооправданий Эйдеман делал собственные выводы. Он был настоящий, талантливый игрок: к июню он уже почти все в тактике Махно понял и лишь кое-что по ходу дела додумывал. «Банда местного значения»! Но, во-первых, местные опасных и дерзких налетов на станции не совершают, а, во-вторых, мужикам снаряды не нужны. Снаряды нужны лишь атаманам с очень большим замахом – уж не на батьку ли самого работает Иванюк?!

Махно тем временем неумоимо вредительствовал. 11 июня он занял Чупаховский сахарный завод. Что могли, махновцы попортили, прихватили немного сахара. По словам местных жителей, в отряде активных бойцов было человек 500 и около ста раненых в предыдущих боях – на тачанках.

И вновь – красные части пришли на место позже чем надо, вновь преследование не дало результатов... 12 июня Махно проходит через Диканьку, 13-го идет на Сагайдак, 15-го возвращается в Решетилровку, где уже ночевал однажды. Все по кругу, неостановимо, неизменно, безнадежно.

Фрунзе тихонечко доходил в своем бронепоезде, курсирующем в районе боевых действий. Разговоры по прямому проводу с командирами частей, приказы, доклады. Ночные, как правило, визиты Эйдемана с новостями. 14 июня Эйдеман приказал срочно выслать ему 300 пудов бензину на 16 бронемашин. Планировалось в Решетиловке махновцев все-таки окружить и – уничтожить. 16 июня Эйдеман прибыл к поезду Фрунзе не ночью, как обычно, а в 6 часов утра, чтобы в очередной раз сообщить, что банда из окружения ушла. С этим сообщением он и уехал.

А Фрунзе не выдержал. Бесконечные «бандсводки» и доклады надоели ему смертельно. Он велел оседлать коней. Через несколько минут появился с маузером через плечо. Дальнейшее великолепно описал в своих воспоминаниях комдив И. Кутяков, получивший назначение на Украину и, как старый боевой товарищ Фрунзе еще по Восточному фронту, сопровождавший его в этой операции.

– Куда едем? – спросил Кутяков.

– Поедем в местечко Решетиловку, – сказал Фрунзе с чуть заметной нервностью.

Ординарец Фрунзе и его адъютант взяли карабины. Стояло тихое ясное утро. Вокруг сочно зеленели поля после прошедшего ночью дождика. Поглядывая вокруг, группа выехала на бугор, с которого Решетиловку было видно как на ладони.

«В это время, – пишет Кутяков, – из местечка послышалась беспорядочная ружейно-пулеметная стрельба, а через несколько минут все стихло. Это, как впоследствии выяснилось, банда Махно окружила в одном дворе автомобиль Эйдемана. Ему удалось благополучно, хотя и на пробитой машине, отбиться и присоединиться к истребительному отряду. Когда услышали стрельбу, Фрунзе сказал: „Нужно поторопиться“, и мы подняли коней в рысь» (43, 119).

Но едва только группа, проскакав улицей, выскочила на церковную площадь, как из другой улицы показалась «колонна в строю повзводно. Впереди ехали трое – один в черной бурке, без шапки, длинные черные волосы зачесаны на лоб, а остальные тоже в черных бурках, но в кубанках. В первом ряду развевалось красное знамя, в центре колонны – свернутое знамя черного цвета. Всего всадников насчитали не более двухсот человек. Сзади было несколько тачанок с пулеметами и каким-то имуществом...

При виде этой колонны мы все четверо осадил коней и оказались... на расстоянии тридцати метров. Колонна, вероятно, от неожиданности, остановилась. С минуту мы молча смотрели друг на друга. Я успел разглядеть лица бойцов. Загорелые, они выглядели старше тридцати лет. У меня сразу блеснула мысль, что в нашей армии осталась двадцатитрехлетняя молодежь. Значит, это махновцы, и мы влопались. Перевожу взгляд на плотного всадника с длинными черными волосами, без фуражки. По фотокарточке, которую я видел в вагоне Фрунзе, можно безошибочно сказать, что этот самый и есть батька Махно.[29]

В это время задние взводы поднажали на передних... а первые ряды всадников начали спокойно снимать карабины.

Нас почти отрезали от дорог и прижали к какому-то огороду, обнесенному какими-то плетнями и изгородью.

Фрунзе спросил, какая часть. Главарь ему ответил: эскадрон 138-й бригады.

Я одновременно с вопросом Фрунзе наставляю с невероятной быстротой наган и кричу:

– Стреляю на ять, осадите фланги!

Они молча, но медленно пятят лошадей. Тогда Махно сам спросил, кто мы, и в то же время ловко взбросил карабин наизготовку. Я в ужасе крикнул:

– Не стреляй, это комвойск Фрунзе!

В это время раздался залп. Сквозь дым и свист я видел, что Фрунзе удержался на коне и бросился через изгородь на дорогу, что ведет на Полтаву.

Тогда я дал коню шпоры и помчался на Решетилловскую дорогу, так как мне отрезали путь махновцы. Около пятидесяти человек устремилось за мной...

Мой адъютант, вероятно, заслушался и не держал коня в сборе. Его сразу же окружили и зарубили. Фрунзе и я обязаны ему жизнью, ибо первым бойцам Махно он преградил своим телом дорогу. Это позволило нам оторваться метров на двадцать.

Таким образом, я и ординарец скакали по Решетилловской дороге, а Михаил Васильевич по Полтавской, причем эти дороги идут верст пять параллельно и расходятся к востоку. Наша дорога шла низкой местностью, а дорога Фрунзе – по возвышенности, и мне было хорошо видно и слышно беспорядочную стрельбу и крики...

На фоне голубого неба кровный рыжий конь Фрунзе кажется черным... А за ним – с полсотни человек, тоже на приличных конях, с шашками наголо... в развевающихся от быстрого хода черных бурках и разных цветов башлыках. Видно было по вспышкам дыма, что Фрунзе отстреливается из маузера» (43, 119–120).

Конь Фрунзе оказался хорош – вынес хозяина. Да и Михаил Васильевич был не робкого десятка: оторвавшись подальше от банды, он спешился и выстрелами из маузера отогнал тех, кто гнался за ним. В результате Фрунзе отделался легким ранением в руку. Но больше истерических попыток самостоятельно захватить Махно он не предпринимал.

На заседании Совнаркома Украины, состоявшемся на следующий день, Х. Раковский сделал доклад о случившемся. Фрунзе похвалили за проявленную отвагу, но рекомендовали впредь воздерживаться от личного участия в боях.

Однако товарищи из Совнаркома, видимо, поняли, что главком «дошел» и начал терять самообладание. Буквально накануне решающего столкновения с ядром банды, 26 июня, непосредственное руководство операциями против Махно было передано В. К. Авксентьевскому, заместителю Фрунзе. В паре с ним работал Р. Эйдемман, крупнейший

специалист по борьбе с партизанами. Он понял, в частности, что преследование Махно – дело хоть и небезнадежное, но недостаточное. Казалось, что его гонят и ведут, но в результате выходило, что ведет-таки он и, хоть и кругами, приходит в назначенное место. Значит, нужно было понять, куда он захочет двинуться, чтобы разбить встречным ударом. Эйдемман предположил, что теперь Махно двинется к сахарным заводам в район местечка Недригайлов, чтобы разгромить их.

Расчет оказался верным. 27 июня под Недригайловом махновцы напоролась на части ударной группы, возглавляемой Григорьевым, – в жестоком встречном бою было убито около 200 человек. В рубке с красной кавалерией погиб Феодосий Щусь, легендарный щеголь махновщины, батькин спутник с 1918 года. Махновцы опять смяли красные заслоны и опять ушли из подготовленного Эйдемманом окружения, но от этого удара оправиться уже не смогли.

Банда круто ушла на юг. Одной из самых филигранных операций махновцев Эйдемман назвал переход ими в ночь с 6 на 7 июля железной дороги Лозовая—Константиноград, по которой курсировали 5 бронепоездов. Этот переход даже не был замечен: банда перешла железную дорогу ночью, на широком участке, небольшими группами, определив место сбора в двенадцати верстах южнее линии железной дороги. Уже вечером Махно был вновь обнаружен и вновь окружен. Ему опять удалось вырваться, набросившись всеми силами на истребительный отряд, а затем, разделив людей на несколько групп, запутать погоню. Одна группа, правда, была настигнута на хуторе Марьевка и изрублена. Вместе с товарищами сложил в рубке свою голову бунтарь и партизан, красный командир и бандит Василий Куриленко...

Махно мог быть талантлив, неутомим, хитер, верток, беспощаден. Но против него работал механизм гораздо большей мощности. Система располагала неизмеримо большими ресурсами. Система заменила людей, сражавшихся против Махно: на него была брошена молодежь – по сути, поколение, сформировавшееся уже при большевиках, которое ничего не знало о «легендарном» Махно, об анархистской республике 1919 года, о героической партизанской борьбе, которое весьма смутно помнило пьяную от свободы весну 1917 года, но зато навечно несло в себе черный голод 1919-го и острую ненависть к врагам, кто бы те ни были.

Возможно, один из парадоксов истории в том, что Махно не мог быть уничтожен солдатами революции; он мог быть уничтожен только новым поколением призывников – солдатами Системы.

Противостояние махновцев как материализованной эмоции ненависти и Системы как равнодушной машины стало особенно наглядным, когда Эйдемман решил резко сократить число преследовавших махновцев истребительных отрядов и заменить их бронечастями. Тут уж есенинское видение соревнующегося с паровозом жеребенка из поэтической метафоры перелилось в план совершенно практический. И конь стальной победил коня живого. Броневики в буквальном смысле слова загнали махновцев. Неделю без передышки 7 броневых автомобилей, два грузовика с красноармейцами и две мотоциклетки, на которых гоняли разведчики, преследовали остатки банды. Уйти в район Гуляй-Поля Махно так и не удалось: его погнало по-над Юзовкой к верхнедонским степям, снова вытесняя в Россию.

Погоня длилась до тех пор, пока партизаны не были совершенно измотаны и сломлены морально. К этому шло: люди много дней уже ничего не ели, не спали. Проносясь по селам, не успевали даже расправляться с советскими работниками, только меняли коней, иногда буквально вырывая их у крестьян. Бойцы бронепоезда отмечали, что после махновских реквизиций крестьяне, не ерепенясь, указывали броневикам дорогу. Крестьяне, глядя на полубезумные, изможденные лица повстанцев, тоже ведь понимали: э-э-э, да от этих что ж добра искать... Хватит. Дурные, шальные, окаянные – ничего не будет от них, кроме беспокойства и худа...

Хроническая усталость наконец сказалась у махновцев в каком-то странном симптоме: они стали бояться броневиков. В принципе ведь броневик легко можно было подбить гранатой или захватить орудие у какой-нибудь части и воспользоваться им, чтоб разгромить весь этот бронепоезд к чертовой матери... Но нет: у партизан, забывших, казалось, о чувстве страха, по отношению к броневикам, неотступно преследующим их, неумолчно гудящим сзади моторами, развилась какая-то фобия. Они вдруг прониклись к ним ужасом, как немецкие солдаты, впервые увидевшие английские танки на Сомме в 1916 году... До добра это довести не могло. 15 июля преследуемая бронепоездом банда скатилась в балку реки Ольховая и скрылась там. До подхода пехоты махновцам ничего не угрожало – машины не могли спуститься по крутым склонам оврага, – но чтобы поддержать паническое настроение отступающих партизан, броневики три часа по очереди поливали балку из пулеметов, пробуя простреливать ее то с одной, то с другой стороны. Кончилось тем, что один бронепоезд подъехал почти к самому краю балки и, дав сигнал ракетой, включил сирену. Для издерганных махновцев этого оказалось достаточно, чтобы потерять хладнокровие: приняв ракету и гудок за сигнал к атаке (хотя пехота так и не подошла), они в панике бросились из оврага в поле, под беспощадный пулеметный огонь...

Здесь мы должны чуть-чуть перевести дыхание и оглянуться, оглядеться вокруг себя. Река Ольховая – это ведь километров шестьдесят всего от станицы Вешенской, и даже если Махно к ней вышел в среднем течении – то максимум сто. Вот здесь опять – как когда-то на Кичкасском мосту, когда в 1917 году «черногвардейцы» разоружали идущие с фронта казацкие эшелоны, – могли бы встретиться махновцы и герои «Тихого Дона». Но какая пропасть пережитого пролегла меж ними за эти годы! Воевали вместе за красных, и друг против друга, и против красных вместе бандитствовали, но мы не знаем – встретились или нет. Махно промелькнул лишь в верховьях Дона: после разгрома остатки банды – всего около 60 человек с одним ручным пулеметом, – ударились на юг и, переправившись через Донец, ушли на территорию Северо-Кавказского военного округа, под Ростов. Проводником был, вероятно, Виктор Белаш, который со своими людьми уже пережил весеннюю грозу в этих местах и имел здесь связи и агентуру. Возможно, Махно надеялся разыскать следы отрядов Бровы и Маслакова, возможно, рассчитывал на возмущение казаков, зная про их недовольство. Во всяком случае, на Украине ему нельзя было оставаться. Помимо истребительных отрядов была придумана подлость: добровольные отряды каэнэсов (комитетов незаможных селян), которых наберем до 56 тысяч человек. Чем уж расплачивались с ними за «бандитов», остается сегодня гадать (за беглого зэка при Сталине таежные охотники получали сахар и муку, предъявив, как доказательство, отрезанную голову или ухо беглеца), но не могло быть, чтобы добровольная опричнина не получала доли с царской охоты: на этом всегда держалась власть Системы.

В середине июля красные «вычислили» и накрыли Иванюка под Полтавой и Савонова под Изюмом – их банды были раздавлены; под пытками открылись тайные места сберегаемого оружия. Махно лишился всех арсеналов, своих лучших снабженцев и вербовщиков. Но сам он об этом еще не знал. Он многого не знал. Не знал, что Антонов разбит. Он надеялся (как Антонов надеялся, тронув весною свои армии в Воронежскую губернию с целью пробиться – опять же, к Дону), что можно еще куда-то двинуться и найти таких же несмирившихся, чтобы плечом к плечу драться до последнего... Но никого не было: находились лишь отдельные люди, с судьбами, татуированными страшными письменами... 21 июля в селе Исаевке Махно и Белаш, собрав всех оказавшихся поблизости партизан, устроили последний совет остатков Повстанческой армии. Теперь это была тысяча отверженных, погубленных людей, у которых не осталось уже ни охоты, ни надежды вернуться к мирной жизни. Среди них мог быть с отчаяния подавшийся в бандиты Григорий Мелехов, но у Мелехова – до последнего момента – была надежда, была любовь, был сын. Большинство же этих людей потеряли все. Быть может, они и хотели бы вернуться назад, да не могли: ничего не осталось в прошлом, все выгорело. Сами души этих людей выгорели от бесчисленных горестных потерь и множества совершенных злодеяний. А как вернуться вспять через пустыню собственной души, зная, что в прошлом и в будущем нет ничего – ни человеческого тепла, ни очага родного дома? То, чему научила их война, теперь, в мирное время, было не только уже не нужно людям, но и становилось опасно для них. Люди должны были возненавидеть их. Им оставалось исчезнуть. Надежнее всего – погибнуть.

Но не так-то просто было погибнуть достойно. Виктор Белаш предложил, договорившись с красными, уходить в Турцию, на помощь Мустафе Кемалю в его борьбе за республику. За этот «чегеваристский» вариант проголосовали человек 750. Махно же предложил уходить через Галицию на запад – чтобы оттуда раздуть пламя нового мятежа на Украине. Его поддержало человек четыреста. На следующий день отряды разошлись: Белаш и Махно расстались навсегда.

Махно решил в последний раз оглядеться: он не верил, что иссякла война, что, как вода в песок, ушли люди, что те, кто еще вчера держал винтовку в руках, – сгнули, развеяны по свету, загнаны страхом в глубокое молчание отчаяния. Он вновь со своими людьми кинулся в сторону верхнедонских станиц – но никто уже на этой опустошенной земле не откликнулся ему. Там, где в 1919 году горело верхнедонское восстание, остались лишь могилы да страх за последних мужиков. Слишком дорогую цену заплатили казаки большевикам за непокорство. Даже легендарного командарма Второй конной Миронова не пожалела большевистская власть, едва только он, вернувшись в родные места, посмел заикнуться, что недопустимо же такое издевательство – «рассказывание»...

В Поволжье нечего было ходить: земля высохла, как порох, в пищу – полынь да человечина... Бросившись на север, Махно достиг пределов воронежских и увидел, что пересохла река Чир, и Дон убавился наполовину, и от крестьян узнал, что Антонов разбит, обе его армии разгромлены Тухачевским, одиннадцать тысяч повстанцев пало убитыми, и нет уже в России места, где бы могли подняться мужики...

И тогда он повернул назад.

Он возвращался в Украину, в свою родную Украину – но и там уже все было по-другому. Села стояли притихшие, смирившиеся с новой жизнью. Он хотел вернуться в 1918 год, когда все кипело под оккупантами и имя отчаянного молодца Махно звучало, как имя надежды, – но нельзя было вспять... Слишком дорого расплатились люди за прекраснодушные надежды свои! Страна больше не могла воевать. Жизнь целого поколения ушла на войну – а это было, пожалуй, слишком. Но Махно не мог смириться. Он готовился к этой войне всю жизнь. Он по-настоящему, вволю жил только эти вот три года войны. Война все дала ему: любовь, друзей, уважение и признательность людскую, власть... Война приковала его к себе мщением: она убила четырех его братьев, сожгла материнский дом, изломала его тело, испещрила его шрамами, приучила сердце к суровости и беспощадству.

Каким он, в сущности, зеленым – хоть и после каторги – устройтелем человечества вернулся в Гуляй-Поле 1917 года! Какое упоение воздухом революции ощутил здесь в минуты своего торжества в 1919-м! Он пришел сюда наивным романтиком, а стал воином. Он остался один: война погубила почти всех его друзей. Он знал, за что они пали, почему не смирились, знал закон битвы: пригни голову – поставят на колени.

Но он знал только свою правду. Он не хотел видеть правду изменившегося времени: выросло новое поколение, которое хотело жить, а не воевать. С тех пор как рекрутов 1914 года позвали на фронт – оторвав от дела, от семей, от детей, – прошло семь лет, и за это время вырелась новая молодость, которая жаждала цветения, ибо таков закон жизни – а он со своей правдой, со своим девятнадцатым годом в сердце встал поперек этого закона.

Он был перестарком, юродом, который был смертельно опасен. Он требовал жить по своей ветхой, ненужной правде—и тут стояла смерть. Он требовал помощи и соучастия себе – но за помощь ему тоже была смерть.

Он нес смерть в себе и больше не был нужен. В этом смысле чрезвычайно показательно свидетельство, приведенное В. Волковинским: после переправы махновцев через Днепр в селе Мишурине крестьяне набросились на них спящих и пытались перебить. Махно был шесть раз задет пулями, но главная, шальная пуля его не нашла.

Но этот случай потряс его до глубины души. Он шел по тем самым местам, где когда-то бился с денкидцами, где полыхало григорьевское восстание... Все изменилось, он был чужой. Иногда встречались ему группки бандитов, закосневших в злодействе, с порыжевшими обрезками – уверяли, что будут ждать. Но их было мало. Большинство людей – кто мог – вернулись к обычной трудовой жизни. Был поздний август. Люди убирали урожай 1921 года – первый после войны. И неторопливые реки с пленительными украинскими названиями текли из вечности в вечность...

Река Сугаклея уходит в камыш, Бумажный кораблик плывет по реке... Качается, ветер в песке шелестит И все навсегда остается таким... Но он не видел реки Сугаклеи, не видел Украины детства Арсения Тарковского (хотя они совпадали во времени), как не видел Миргорода и Диканьки Гоголя, где оставил лишь убитых да стреляные гильзы, – у него были свои меты на этой земле. Он уходил – его гнали (была применена обычная тактика преследования автоброневикиами и летучими отрядами); ему казалось, что он вырывается из

пространства, а на самом деле он рвался из времени. Человеку трудно жить по хронографу неторопливых равнинных рек – его время ломко, прерывисто, быстротечно. Человек может выпасть из времени, отстать от него и больше никогда не угнаться за своими современниками, навеки сделаться чужим для них. Это случилось с Махно...

Утром 20 августа остатки махновцев, безостановочно преследуемые красным истребительным отрядом, случайно влетели в расположение первой кавбригады 7-й кавдивизии: в оборванных, заросших щетиной бандитах, на лошадях, вполовину без седел, навряд ли могли узнать бойцы седьмой кавдивизии своих соратников по взятию Крыма. Да и вряд ли оставались в рядах дивизии бойцы, которые в ноябре двадцатого пустили корпусу Каретникова уйти из окружения под Евпаторией. Это было другое поколение, двадцатитрехлетние, молодежь. Однако ж красные мальчишки внезапной встречи с яростным прошлым не вынесли – и бросились врассыпную. А махновцы, захватив у них 25 тачанок, ушли дальше, на Новый Буг.

Бригада потом собралась и вместе с истребительным отрядом пустилась в погоню, но все-таки прямого боя с «дикарями», похоже, никто не желал – «настигали» их, как правило, на переправах, когда плывущие через реку люди были практически беззащитны.

Случалось, по пути партизаны подбирали листовки: «Махно убит». Убит! – они хохотали над этой бессмысленной ложью, угадывая за нею испуг и вечную большевистскую врунявость. Ничто не могло причинить им большей радости, чем эти лживые листовки, подтверждающие, что они еще страшны, что только их смерть избавит врагов от страха.

22 августа на переправе через реку Ингул махновцев настиг истребительный отряд и в воде безнаказанно расстреливал, как дичь, на выбор. Махно был ранен в голову пулей, которая ударила его чуть ниже затылка и вышла, разорвав правую щеку от уха до самого рта, отчего на весь остаток жизни раскраивал лицо его рубец, как от сабельного удара. На ингульской переправе погибло человек сорок, среди них – Тарановский и Петренко, немногие из уцелевших еще старых товарищей. В живых осталось еще человек семьдесят. Преследовал их в последние дни совсем небольшой отряд с одним автоброневиком. Красные, по-видимому, тоже понимали: уходят. Не надо особенно мешать.

После 19 августа в постоянном совещании по борьбе с бандитизмом при Совнаркомом Украины уже не слушались доклады по махновщине, хотя в 1921 году именно Махно в основном были посвящены 32 его заседания.

Ранним утром 28 августа махновцы достигли Днестра. Над рекою клубился туман. За пеленою его была Бессарабия, тогда румынская – берег спасения, который для самого Махно станет лишь первым причалом ненавистой чужбины.

О переправе махновцев через Днестр ходят различные слухи: наиболее фантастическая версия описывает переправу на лодках гроба с телом якобы мертвого Махно, убранного согласно похоронному обряду какой-то секты...[30] В. Волковинский описывает короткую – на лету – стычку, опрокинувшую заставу пограничников возле Камянки, когда махновцы из последних сил рванулись – уже не обращая внимания на раненых, цеплявшихся за колеса

тачанок...

Наиболее достоверным все же кажется рассказ, который поведала внучатому племяннику Махно В. И. Яланскому, Галина Андреевна, жена батьки, когда в 1976 году она была в Гуляй-Поле. Он безыскусен, в нем нет ничего надуманного, ничего «героического»: ранним утречком 28 августа у Днестра махновцы наскочили на пограничный разъезд.

Сориентировались мгновенно: благо, одеты все были в гимнастерки, красноармейские буденновки и фуражки. Не замедляя хода, помчались к пограничникам. «Зачем вы нас вызывали?!» – громко крикнул Левка Задов с тачанки. «А мы не вызывали вас», – удивленно ответил взводный. Пока произносились эти две фразы, пограничники были окружены. Сопротивляться им не было никакого смысла: разъезд был человек двенадцать, махновцев – семьдесят восемь.

Днестр – бурливая река. Один из пограничников показал, где можно переправиться.

Галина Андреевна – «она ведь любопытная была...» – спросила парня, как хоть его звать, чтобы помянуть потом добрым словом. Он сказал фамилию. Она запомнила на всю жизнь: Олексенко.

Оружие красноармейцев забрали все с собой, чтоб не стреляли в спину. Левка Задов помог перебинтованному батьке слезть с тачанки и войти в реку, держась за седло. Конь вошел в воду. Левка поплыл рядом. Какая-то дальняя застава вроде бы пыталась стрелять по ним, но безуспешно...

На румынском берегу их встретил разъезд. Опять же Левка объяснился: так, мол, и так, мы эмигранты, просим у вас убежища...

У хлопцев сразу забрали оружие. Нестор свой пистолет отдал, Галина – свой, хоть ее и не обыскивали как жену командира. И тут же она скинула свою юбочку-спидницу – мокрая же стала, через реку пока плыла, – и аккуратно приехал начальник их заставы. «О, – говорит. – Среди вас женщина?» Попросил назваться. Назвались.

– Вы прошли славный путь...

На заставе их накормили, дали выпить. Потом сдали властям. А власти, не долго разбираясь, – за дощатый забор, в лагерь для интернированных.

Через день к месту происшествия прибыл главнокомандующий войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе. Вроде бы долго стоял, глядя на противоположный берег. 21 сентября газета «Коммунист» напечатала его слова: «Факт перехода в Бессарабию махновской банды установлен мною при посещении приграничной полосы» (12, 217).

Для Фрунзе этот вариант был, пожалуй, наилучшим из всех возможных. Махно стоил ему столько нервов, что, пожалуй, какая-то болезненная, губительная ненависть стала привязывать его к этому человеку (помните неотступно глядящую на него фотокарточку врага в вагоне бронепоезда?). Поистине, эта роковая страсть могла серьезно поколебать его психику, и в другой раз – случись она, – встреча Махно и Фрунзе, двух заклятых врагов,

